

УДК 009:168.522

Александр Михайлюк

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СМЕХА (СТАТЬЯ 2)

Рассматривается проблема семиотичности смеха. Смех рассматривается как знак, указывающий на эмоциональное или когнитивное состояние человека, как процесс и результат интерпретации знака, реакция на знак. Возможность смешного заложена в самой природе знака.

Ключевые слова: смех, знак, семиозис, интерпретация, культура.

Действительность многообразна, она позволяет давать разные интерпретации одного и того же явления, что дает возможность представить явление и в смешном виде. Одно и то же явление, рассмотренное в системе различных образно-ассоциативных кодов, может эксплицировать различные значения. Смех вызывает также неожиданная интерпретация знака. Нечто устоявшееся, признанное, понятное, само собой разумеющееся внезапно оказывается не тем, чем казалось, обнаруживается новый, скрытый смысл. Поэтому смех и есть «известное удивление» (Р. Декарт) или «превращение напряженного ожидания в ничто», вызывающее «на мгновение радость» (И. Кант).

В знаках заложена возможность не только лжи, но и истины; вне знаков нет не только «кривды», но и «правды». Предметом семиотики является обозначенный смысл [10]. Смех построен не только на обмане, но и на правде (или на ее использовании), в том числе и нарушающей культурные конвенции. Правда заключается в том, чтобы «вещи называть своими именами». Правда сама по себе далеко не всегда смешна, но в силу своей «простоты» может вызвать «известное удивление» и «на мгновение радость» в результате *внезапного* понимания. Понимание всегда связано с означиванием, интерпретацией, семиозисом.

Интерпретация или процедура декодирования знака представляет собой переход от знака к его значению. Интерпретация – это осмысление, или приписывание смысла. Интерпретация может быть правильной или неправильной, успешной или неуспешной. Интерпретирование не обязательно заканчиваться успехом. Чтобы интерпретировать нечто, необходимо обладать презумпцией о знаковой природе этого предмета. Для интерпретации необходимо «фоновое знание», «предварительное знакомство с объектом» (Ч. Пирс). Здесь важна традиция культуры, в поле которой протекает любая интерпретация. Результат интерпретации зависит от «предшествующего опыта», «внутренней картины мира», тезауруса интерпретатора. Исходя из этих свойств интерпретатора, знаки им воспринимаются и интерпретируются. Интерпретация – не столько

«искусство рассматривания», сколько искусство «конструирования». Цель интерпретации в восстановлении утраченной и/или в поддержании имеющейся гармонии внутреннего мира интерпретатора и устранении когнитивного диссонанса [4, с. 48–51].

«Над чем именно и почему именно мы смеемся – это то так, то эдак раскрывается и поворачивается в самом процессе смеха, и здесь всегда возможна игра смысловых переходов и переливов; ею, собственно говоря, смех и живет» [1, с. 11]. В смехе проявляется бесконечность интерпретаций, бесконечность семиозиса, бесконечность ассоциаций. Условием семиозиса выступает никогда не прекращаемая отсылка от знака к знаку. Бесконечность семиозиса проистекает из асимметрии, несовпадения знака и референта [15].

Смех ситуативен, контекстуален, часто возникает на основе нарушения кода или применения неадекватного кода и, особенно, лексикода. Намеренное или непроизвольное нарушение конвенциональных стратегий и тактик приводит к комическому эффекту [9, с. 78]. Но и чрезмерное доверие коду, слишком буквальное восприятие знака, отождествление означающего и означаемого, смысла и значения выглядит наивным, смешным или абсурдным. Человек, не понимающий анекдот, шутку, воспринимает знаки слишком буквально, наивно. Например, в днепропетровской маршрутке висит объявление: «Остановки называть громко и заранее, а то водитель глухой еще и одноногий – не успеет поставить свой протез на тормоз». Пожилая женщина заходит и видит эту надпись. «А что, разве глухой может быть водителем? Разве таких можно брать?», – спрашивает она у соседа. Тот отвечает: «Сейчас всех берут – и глухих, и слепых, и безногих». Старушка в недоумении, но из маршрутки не выходит. Мифологическому сознанию свойственно слишком буквальное понимание знака, непонимание его условности, отождествление означающего и означаемого. Отождествление означающего и означаемого, знака и того, на что он указывает, свойственно архаическому сознанию, лежит в основе магии как ранней формы науки. Но миф смеха не вызывает. Миф неререфлексивен, поскольку изначально несовместим с рационально-критическим подходом к любому явлению, отдавая преимущество эмоциональному созвучию и субъективной убежденности. Восприятие, переживание и волевой импульс здесь слиты воедино. Миф не содержит абстрактных понятий, образы представляют сами себя и не отсылают к понятиям. Миф рассказывается, переживается, танцуется, поется, скачется, входит в сознание, рисуется или скульптурно воплощается не как сухое описание, а как эмоциональное переживание.

Миф должен воплотиться, реализоваться (поскольку он выше т. н. реальности). Поэтому он чрезвычайно серьезен. По сути, при взгляде со стороны, миф смешен. Но человек, пребывающий в рамках мифа (независимо от его интеллектуального уровня) не в состоянии этого осознать. Отождествление означающего и означаемого создает угрозу редукции к архаике или патологии, не различающим иллюзии и реальности [12, с. 176].

Понимание знака зависит как от кода, так и от контекста. Изменение контекста, выдергивание из контекста, помещение знака в другой контекст искажает смысл и значение знака и может вызвать смех. Здесь возникает смеховая ситуация, аналогичная знаковой ситуации (см.: [18]). Часто смеховая ситуация построена на омонимии и синонимии. Знаковая ситуация – это, в сущности, контекст, благодаря которому и в рамках которого нечто начинает функционировать (восприниматься) как знак, выступающий в качестве заместителя чего-то другого, указывающий на нечто другое. Вещь может стать знаком, только попав в знаковую ситуацию, так как быть знаком – это функция, а не природа вещи. Вне знаковой ситуации эта же самая вещь знаком служить не будет. Знак формируется контекстом и отсылает, прежде всего, к контексту. Когда мы говорим «знаковая вещь», «знаковое событие», «знаковое явление», тем самым мы выделяем его из ряда других событий и явлений, отмечаем его особенность, неординарность. В другом ряду (контексте), они, может быть, не стали бы знаковыми. Вернее, в другом контексте они приобрели бы другое значение и смысл. Так, «Черный квадрат» К. Малевича в другом контексте так бы и остался просто черным квадратом. «Джентльмен ... в хромовых ботинках с пуговицами, визиточных брюках, наглухо застегнутом пиджаке, при воротничке, галстук и часовой цепочке, а также в фетровой шляпе» не привлек бы внимания, если бы находился в таком одеянии не на пляже. Контекст, в рамках которого нечто привлекает внимание, выделяется субъектом из окружающей действительности, когда это нечто выступает в особом статусе. Условность должна замечаться, обращать на себя внимание, бросаться в глаза. Мы можем воспринимать нечто как знак, даже не понимая его значения и, тем более, смысла. Даже если это будет «знак отсутствующего у нас знания» [11, с. 98]. Контекст требует интерпретации – означивания, семиозиса. Происходит «узнавание знака». Это также может вызвать «известное удивление» и «на мгновение радость».

Выделяют принципы, формирующие феноменальность смеха – инконгруэнтность, амбивалентность и абсурд [9, с. 78]. Неоднократно делались попытки обоснования связи смеха с парадоксом, абсурдом, нонсенсом – ошибкой или бессмыслицей. «Смешное – это какая-нибудь

ошибка или уродство» (Аристотель). Юмор освобождает от бремени смысла и играет с «представлениями рассудка, посредством которых ничего не мыслится». «Во всем, что вызывает веселый неудержимый смех, должно заключаться нечто бессмысленное» [6, с. 205, 207].

Причину смешного усматривают в успешном распознавании абсурда, – осознании несовпадения между понятием и реальным объектом. Понимание несоответствия между понятием и реальным объектом, или, может быть, непонимание соответствия между понятием и реальным объектом?

Парадокс, абсурд, нонсенс, бессмыслица, конечно, могут стать поводом для смеха, но далеко не всегда смешны. Смех лежит в несколько иной плоскости. При этом смешным является не то, что бессмысленно, неправдоподобно, бестолково, с чем обыкновенно исключительно связывают абсурд, а то, что позволяет узнать, понять такое, чего не понимает сам делающий или говорящий это [9, с. 79].

Значение отсылает к коду и содержанию знака, а смысл отсылает к контексту, к внешнему окружению знака, к внешним отношениям, к знаковой системе, в рамках которой этот знак осмысливается. Смысл нейтрален к истине и лжи, он нивелирует их противоположность [13, с. 54]. Ложный знак тоже имеет смысл и значение. В симулякре есть смысл и значение, но нет содержания – он ни на что не указывает, ничего не представляет, кроме самого себя. Даже если понимается некоторый смысл, это еще не обеспечивает наличие значения [16, с. 31]. Значение и смысл должны коррелировать между собой, соответствовать друг другу. Иначе возникает основа для абсурда, нонсенса, парадокса, комической ситуации.

При недостатке осмысления, возникают различные уровни «бессмыслицы», или непонимания смысла. Непонимание смысла – еще не значит его отсутствие. Так «не знаками» можно считать и слова на иностранном языке (незнание кода) – отсюда «варвары», «немцы» и т. п. Знаки, имеющие смысл и значение в рамках кода, не связанные между собой в рамках контекста, превращаются в набор слов, имеющих значение, но не имеющих смысла. Знаки, не имеющие в отдельности значения и смысла, приобретают смысл (но не значение) в рамках контекста, в связи с другими знаками: «Гломкая кумздраштемко будланумла бомкра и курдымчит бокрѣнка» и т. п.

Парадокс, как правило, остроумен, но не всегда смешон. Абсурд редко бывает смешным, чаще всего он вызывает недоумение. Абсурды, созданные Кафкой, Ионеско, Беккетом так и вовсе не смешны. Нонсенс не имеет смысла, а смех возникает по поводу смысла, только тогда, когда есть смысл.

«Смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [3]. Но нонсенс – не отсутствие смысла, а его отрицание, а, следовательно, тоже имеет свой смысл. Р. Барт писал: «Не следует забывать, что к «не-смыслу» (non-sens) можно только стремиться, для нашего ума это нечто вроде философского камня, потерянного или недостижимого рая. Вырабатывать смысл – дело очень лёгкое, им с утра до вечера занята массовая культура; приостанавливать смысл уже бесконечно сложнее, это поистине «искусство»; «уничтожить» же смысл – затея безнадежная, ибо добиться этого невозможно» [2, с. 288–289].

Механизм юмора компенсирует недостаток понимания или осмысленности [5]. Юмор основан не на бессмыслице, не на отсутствии смысла, а, наоборот, на игре со смыслами и понимании этой игры. «Смех – это игра со смыслом. Все, что может быть осмыслено, может быть и обыграно, следовательно, потенциально и осмеяно. То, что непонятно, то и не смешно» [14, с. 107]. А как писал Г. Щедровицкий, понимать вообще можно только то, что выражено в знаках [19]. Юмор и остроумие часто воспринимаются почти как синонимы. Можно говорить о внутреннем родстве или, по крайней мере, о внешнем сходстве механизмов смыслообразования и чувства юмора, поскольку они имеют одинаковую цель – понимание и трансляцию понимания [5].

Чувство юмора предполагает не просто знание значения знака, но и интерпретацию его смысла. Юмор – одна из возможных интерпретаций. Родство психологических механизмов смыслообразования и юмора в том, что они выполняют «задачу на смысл», но делают это по-разному. Они по-разному восполняют пробелы формально-логического понимания [5]. А также понимания того, что реальность, и наше представление о ней – не совсем одно и то же, условности того, что мы называем «реальностью». Ч. Пирс писал: «Реальность вовсе не необходимо независима от мысли вообще, но только от того, что вы, или я, или любое конечное число людей может думать о ней» [17, с. 292].

«У юмора нет никаких объектов во внешнем мире (реальном или воображаемом). Подлинными его объектами – мысли, чувства и слова самого субъекта» [7, с. 58]. Но мысли и слова – это знаки. Ч. Пирс считал, что все мысли обязательно должны существовать в знаках, что всякая мысль есть знак. Когда, мы мыслим, то мы сами, каковые мы суть в данный момент, выступаем как знаки [17, с. 40–41, 67].

Смешное, комическое может трактоваться как «ситуация пересечения в сознании воспринимающего двух независимых, но логически оправданных ассоциативных контекстов», приводящая к «когнитивному

диссонансу», стимулирующему смех [8]. Но смех (юмор) выступает и как способ возвышения «над» ситуацией (возможно, иллюзорного), средство преодоления когнитивного диссонанса (любая интерпретация – это преодоление когнитивного диссонанса), позволяя «снять» противоречия, увидеть проблему под другим, неожиданным ракурсом. Смех заменяет простую плоскость многомерной фигурой, наделяет явление большим семантическим объемом.

Смех не всегда сопряжен даже с юмором. Возможен ведь и мрачный юмор. Тем более что юмор не всегда всем понятен, а смех возможен и без юмора. Серьезность также нельзя назвать в полной мере антиподом смеха. Ведь если что-то воспринимается как несерьезное, это еще не значит, что оно воспринимается как смешное.

Ю. А. Шрейдер предлагал рассматривать в качестве исходного понятия семиотики не знак, а «знаковую ситуацию» [18]. Ложь, игра, фантазия, инконгруэнтность, амбивалентность, парадокс, абсурд, нонсенс оксюморон и даже юмор сами по себе еще не вызывают смех, а являются лишь предпосылкой, условием, возможностью смеха. Они лишь создают смеховую ситуацию. Смех спонтанен и естественен, стихийен и непредсказуем. Но и без смеховой ситуации смех становится, скорее, признаком. Существует множество разновидностей, оттенков и нюансов смеха, видимо, не поддающихся универсальному определению и исчерпывающему семиотическому описанию.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ.– М.: Наука, 1992.– С. 7–19.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.– М.: Прогресс, 1989.– 616 с.
3. Делез Ж. Логика смысла (Первая половина) [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://www.libma.ru/filosofija/logika_smysla_pervaja_polovina/index.php
4. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.– 172 с.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Int0.html>
5. Домбровская И. С. Юмор в контексте развития.– ТО «Неформат», 2014.– 280 с.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://psy.su/mod_files/additions_1/file_additions_1_3060.pdf
6. Кант И. Критика способности суждения.– М.: Искусство, 1994.– 367 с.
7. Козинцев А. Г. Антропология смеха: на пути к синтезу // Доб́ца / Докса.– Вип. 13.– Одеса, 2008.– С. 58–66.
8. Кошелев А. Д. О сущности комического и природе смеха (когнитивный подход) [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=820&Itemid=52

9. Левченко В. Л. Смех как антропологическое измерение культуры // Доб́ца / Докса.– 2011.– Вип. 16.– С.74–81.
10. Лотман М. Ю. Семиотика культуры в Тартуско-Московской семиотической школе. Предварительные замечания // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры.– СПб., 2002.– С. 5–20.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02.html#T22>
11. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mm-simvol_i_soznanie.pdf
12. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. – СПб.: Наука, 2011. – 667 с.
13. Маркова Л. А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология & философия науки.– Т. XXII.– № 4.– 2009.– С. 48–56.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://journal.iph.ras.ru/sites/default/files/2009_4.pdf
14. Мартынова Е. А. Философия смеха // М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч.– Саранск, Изд-во Мордовского ун-та, 1995.– Ч. 2.– С. 105–107.
15. Нёт В. Чарлз Сандерс Пирс // Критика и семиотика.– Вып. 3/4, 2001.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs34net.htm>
16. Новоселов В. Г. Философское понимание и онтология знака: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Новосиб. гос. техн. ун-т.– Новосибирск, 2009.– 194 с.
17. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения.– М.: Логос, 2000.– 448 с.
18. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем.– М.: Знание, 1974.– 64 с.
19. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом...– М.: Путь, 2001.– 368 с.– Режим доступа: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>

Олександр Михайлюк

СЕМИОТИЧНІ АСПЕКТИ СМІХУ (СТАТТЯ 2)

Розглядається проблема семиотичності сміху. Сміх розглядається як знак, що вказує на емоційний або когнітивний стан людини, як процес і результат інтерпретації знаку, реакція на знак. Можливість смішного закладена в самій природі знаку.

Ключові слова: сміх, знак, семіозис, інтерпретація, культура.

Alexandr Mykhailiuk

SEMIOTIC ASPECTS OF LAUGHTER (ARTICLE 2)

The problem of semiotics nature of laughter is examined. Laughter is examined as a sign that indicatives the emotional or cognitive state of a man, and as a process and result of interpretation of sign, reaction to sign. Possibility

of ridiculous as well as possibility of deception is based in the nature of sign. Culture is understood as a system of signs. Laughter temporally releases from the valued norms of culture, exposes a culture as system of signs, system of conventions. But laughter is integrated into culture, entered in a semiotic cultural context. Laughter in the process of social evolution purchased a sign significance. Laughter belongs to the sign-symbolic sphere of human activity and is only human property. Laughter is a pre-language phenomenon. And herein it is similar to the myth. Laughter operates by not concepts, but by images. The language of laughter, as well as the language of myth, is turned not to consciousness, but to unconscious, not to the idea, but to the emotions, it initials connotations. Laughter arises up as a result of interpretation of signs and as a result of understanding of inadequacy of image and reality, disparity between value and sense, sign and reviewer. There is tearing down of conventions, habits and thinking templates. Lying, game, fantasy, nonsense, oxymoron, humor are examined as pre-condition, condition of laughter.

Keywords: *laughter, sign, semiosis, interpretation, culture.*

References

1. Averincev S. S. (1992) Bahtin, smeh, hristianskaja kul'tura [Bahtin, laughter, Christian culture], *M. M. Bahtin kak filosof. Moscow, Nauka*, pp. 7–19.
2. Bart R. (1989) Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika [Select works: Semiotics: Poetics], *Moscow, Progress*, 616 p.
3. Delez Zh. Logika smysla (Pervaja polovina) [Logic of sense (First half)], URL: http://www.libma.ru/filosofija/logika_smysla_pervaja_polovina/index.php
4. Dem'jankov V.Z. (1989) Interpretacija, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ih modelirovanija na JeVM [Interpretation, understanding and linguistic aspects of their designing on COMPUTER], *Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta*, 172 p. URL: http://www.infolex.ru/Int_0.html
5. Dombrovskaja I.S. (2014) Jumor v kontekste razvitija [A humor is in the context of development], TO «Neformat», 280 p. URL: http://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_3060.pdf
6. Kant I. (1994) Kritika sposobnosti suzhenija [Criticism of ability of judgement], *Moscow, Iskusstvo*, 367 p.
7. Kozincev A. G. (2008) Antropologija smeha: na puti k sintezu [Anthropology of laughter: on a way to a synthesis], *Doksa*, 13, pp. 58–66.
8. Koshelev A. D. O sushhnosti komicheskogo i prirode smeha (kognitivnyj podhod)[About essence of comic and nature of laughter (cognitive approach)]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=820&Itemid=52

9. Levchenko V. L. (2011) Smeh kak antropologicheskoe izmerenie kul'tury [Laughter as anthropological measuring of culture], *Doksa*, 16, pp.74–81.
10. Lotman M. Ju. (2002) Semiotika kul'tury v Tartusko-Moskovskoj semioticheskoj shkole. Predvaritel'nye zamechanija [A semiotics of culture is at Tartu-Moscow semiotic school. Preliminary remarks], Lotman Ju. M. Istorija i tipologija ruskoj kul'tury. SPb., pp. 5–20. URL: http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman_02.html#T22
11. Mamardashvili M. K., Pjatigorskij A. M. (1997) Simvol i soznanie: metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke [Symbol and consciousness: metaphysical reasoning about consciousness, symbolics and language], *Moscow, Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury»*, URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mm-simvol_i_soznanie.pdf
12. Markov B. V. (2011) Ljudi i znaki: antropologija mezhlichnostnoj kommunikacii [People and signs: anthropology of interpersonally communication], *SPb., Nauka*, 667 p.
13. Markova L. A. (2009) Perspektiva nauki: smysl kak al'ternativa istine [Science prospect: sense as alternative to truth], *Jepistemologija & filosofija nauki, T. ŌŌII, 14*. pp. 48-56. URL: http://journal.iph.ras.ru/sites/default/files/2009_4.pdf
14. Martynova E.A. (1995) Filosofija smeha [Philosophy of laughter], M.M.Bahtin i gumanitarnoe myshlenie na poroge XX² veka: Tez. 222 Saranskih mezhdunarodnyh bahtinskih chtenij: V 2 ch., Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta, Ch. 2, pp. 105–107.
15. Njot V. (2001) Charlz Sanders Pirs [Charles Sanders Peirce], *Kritika i semiotika*, 3/4/. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs_34net.htm
16. Novoselov V.G. (2009) Filosofskoe ponimanie i ontologija znaka [Philosophical understanding and ontology of sign], dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 / Novosib. gos. tehn. un-t, Novosibirsk, 194 p.
17. Pirs Ch.S. (2000) Izbrannye filosofskie proizvedenija [Select philosophical works], *Moscow, Logos*, 448 p.
18. Shrejder Ju.A. (1974) Logika znakovyh sistem [Logic of the sign systems], *Moscow, Znanie*, 64 p.
19. Shhedrovickij G. P. (2001) Ja vseгда byl idealistom... [I always was an idealist...]. *Moscow, Put'*, 2001, 368 p. URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>